

When quoting site materials, we ask that you provide the link to the original source that owns the authorship (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) and the title of the project, "Ukrainian Jewish Repatriates in Israel: Jewish Identity in the Context of the Russian-Ukrainian war."

Each particular file should be quoted as follows: UJRI_Number_Informant's initials (e.g., UJRI_001_MG)
Thank you!

При цитировании материалов сайта просим указывать ссылку на источник правообладателя: (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) и название проекта: «Еврейские репатрианты из Украины в Израиле: Еврейская идентичность в контексте войны России и Украины».

Ссылка на индивидуальные файлы: UJRI_Номер файла_Инициалы информанта (н-р., UJRI_001_MG)
Спасибо!

UJRI_082_EE

Inf.: EE, M., b. 1979.

Int.: MI

Haifa, April 16, 2022.

1 hour 14 min.

[0:00:14]

Int.: Так, ну, в общем, сначала просто представься, пожалуйста. Как тебя зовут? Имя отчество, год рождения, город рождения.

Inf.: Меня зовут ЕЭ. Я родился 27 июля 1979 в Каневе.

Int.: Хорошо. Значит, смотри, первый раздел – еврейские традиции. Значит, два главных вопроса тут будет – это насколько ты, твоя семья были вовлечены в еврейскую традицию еще в период жизни в СССР? Вот. И соблюдалась ли как-то и

[0:01:00]

сегодня как-то соблюдается ли еврейская традиция в твоей семье? Вот. И ну давай вот просто...

Inf.: В СССР?

Int.: Еще, значит, знал...

Inf.: СССР я не помню.

Int.: Были ли разговоры о еврействе ещё до распада?

Inf.: До распада я не помню. После распада были. И я собирался уехать по НААЛЕ в 94-м году. И в каком-то году, в точно в каком, я не могу точно сказать, но это было в конце 90-х, мой отец стал председателем еврейской общины города Канев. Но я уже тогда учился в Черкассах в университете, и вот какое-то время я не был вообще никак вовлечен в еврейскую жизнь, где-то года до две тысячи, наверное, восьмого или девятого.

[0:02:00]

Была учеба в университете, потом было долго тоже всего много. А вот где-то года с 2009-го, точно не помню, мы отдали среднего ребенка в садик...

Int.: Еврейский или..?

Inf.: Там была еврейская группа в этом садике. И для того, чтобы попасть в эту еврейскую группу, я собрал какие-то документы, причем даже не оригиналы, а просто на словах. И я в Черкассах был в Хеседе. Мы зарегистрировались в Хеседе, и после этого началось достаточно плотная еврейская жизнь в контексте праздников, мероприятий.

Int.: Давай теперь по праздникам, тут наводящие такие вопросы. Значит, соблюдался ли у вас дома в каком-то виде Шабат и какие-то еврейские праздники?

Inf.: Мы соблюдали это не дома, мы собирались с общиной. У нас было место, где собиралась община, это что-то типа бейт мидраш при Хеседе. Это была не синагога, потому что община была реформистская. И мы там.... особо, как это...

[0:03:00]

делали кидуш, разговаривали, там, читали какие-то недельные главы из Торы. Плюс у нас были регулярно большие праздники, которые собирались тоже, только уже даже в каких-то там больших залах, где собиралась вся община. У нас в Черкассах две общины, она одна ортодоксальная, а вторая реформистская. И у обеих общин был один руководитель. И

они собирались иногда вместе на большие праздники, типа Рош аШана, Ханука, по-моему, Суккот, по-моему, Пурим и Песах. Вот. А летом у нас с какого-то момента, точно с какого года я не скажу, но уже после 2010-го года,, мы где-то лет пять непрерывно ездили в еврейский лагерь под Черкассами, семейный. Это было очень круто! Там собирались все дети, все семьи общин,

[0:04:00]

кто попали соответственно в лагерь, и там было очень интересно. Приезжали мадрихи из Израиля. Реально было очень круто. И все это финансировалось, насколько я знаю, Metro West'ом. Там есть такая организация, это богатые евреи из Нью Джерси, финансируют этот Metro West. Вот этот Metro West финансировал этот лагерь. Это был один из самых знаменитых лагерей, наверное, единственный в своем роде в Восточной Европе. Семейных, детских, семейных лагерей, там, где не просто дети с мадрихами, а там дети родители...

Int.: Давай немножечко нырнём в твою историю. То есть, когда ты помнишь... Когда ты вообще... вот вопрос еврейской идентификации для тебя лично...

Inf.: С глубокого детства.

Int.: Вот попытайся вспомнить.

Inf.: Да ну, меня всегда называли там жидом, жиденком.

Int.: Где?

Inf.: Во дворе, в школе. У меня были проблемы

[0:05:00]

с учителями, которые иногда, по-моему... Ну я точно не помню, это детские могут быть ложные воспоминания. Но вполне возможно, что это правда. Я помню, что прямо от учителей, что такое звучало. Были проблемы постоянно, какие-то были подколы. То есть не было каких-то прямо откровенных оскорблений, но постоянно были какие-то подколы. У меня были постоянно проблемы с этим связаны. Меня как-то как будто выделяли из всех детей. То есть у нас, кстати... у меня в классе евреев больше не было. Я был постоянно выделен, и ко мне были как бы требования всегда повышены, сто процентов.

Int.: В каком плане?

Inf.: Даже в плане учебы.

Int.: Понятно. В твоей семье кто-то говорил на идише?

Inf.: Да, бабушка с бабушкой. Между собой.

Int.: Между собой.

Inf.: Да, но они говорили специально, чтобы их никто не понимал.

Int.: Никто не понимал.

Inf.: Ну да. А родители... Ну, отец, я думаю, что... Вообще, бабушка умерла, когда мне было 6 лет, и я

[0:06:00]

плохо ее очень помню. Дедушка умер значительно позже, но уже после смерти бабушки, я не слышал, чтобы он разговаривал на идиш. Я этого не помню. Но мне отец рассказывал, что когда она была жива, я ж был ещё маленький, что они постоянно между собой разговаривали на идише, что... когда не хотели, чтобы их понял кто-то.

Int.: Какие вообще признаки еврейского были дома? Может быть, это какие-то...

Inf.: Фаршированная рыба.

Int.: Фаршированная рыба, ага.

Inf.: Фаршированная рыба, потом вареники какие-то, я не знаю. Что это точно было что-то... Потом вот этот еврейский салат, чесночница, постоянно была. Он и сейчас, кстати, до сих пор меня... Даже сейчас жена его готовит постоянно. Ну как-то так.

Int.: Что-нибудь твои родители, бабушка, дедушка рассказывали про твою... про как бы ваш род еврейский?

Inf.: Не особо, но мне лично никто ничего не рассказывал. Я уже потом впоследствии что-то пытался узнавать.

[0:07:00]

Совсем недавно, совсем недавно мне рассказывали родители... точнее, не родители, рассказывала моя дочка средняя, когда еще до войны мы были в Каневе, и они нашли свечки для Хануки.

Int.: Где?

Inf.: Дома, упаковка свечей. Там чуть ли не 30-х годов, там или 40-х годов 20-го века, если... если не начала 20-го века. Это были свечи какие-то, я не знаю, зачем их хранили. Они их просто достали и начали жечь, и сожгли. И коробку выбросили. Мне ничего не сказали.

Int.: Еврейское кладбище у вас там было?

Inf.: Конечно. У меня бабушка с дедушкой похоронены на еврейском кладбище. Оно сейчас там облагорожено, тоже какие-то американцы просто профинансировали, сделали красивые забор. Оно было такое, немного подзаброшенное. Вообще евреев Каневе уже очень мало осталось.

[0:08:00]

Int.: Понятно. Как ты считаешь, вот изменилось ли твоё, но это скажем так, ты сказал... и вообще общее еврейское самосознание после обретения Украиной независимости? Было это каким-то рубежом?

Inf.: Нет, вообще никаким рубежом это не было. После обретения Украиной независимости я просто... пришел сознание.

Int.: Что ты имеешь в виду?

Inf.: Ну, я себя начинаю помнить с этого момента более-менее. То есть до обретения независимости, в 91-м году, мне было... 12 лет. Я не сильно себя помню.

Int.: Но если вот...

Inf.: Не было никакой у меня точно идентичности, я об этом не думал. В 12 лет как-то вот что-то... Ну, а нет, вот в 12 лет, ну может быть... может быть, было и в 12 лет, может быть, было даже вот в последние годы

[0:09:00]

Советского Союза. Вот эти все оскорбления во дворе. Мы туда переехали где-то году в 88-м.

Int.: Туда – это куда?

Inf.: Ну вот на эту улицу, где мы жили, и где меня... я помню эти все оскорбления и постоянные обзывания жидом. Наверное, да, это было ещё, ну... Идентификация была сто процентов, ну, конечно. Идентификация была в режиме оскорбления. Да, вот это точно можно сказать. Но это как бы... Сложно не отметить.

Int.: Окей, значит, украинский и русский. Какой язык тебе ближе?

Inf.: Я свободно разговариваю и на украинском, и на русском. Но при этом вообще в обычной жизни я всегда разговаривал на русском, потому что у меня вокруг очень много русскоязычных друзей. Но если есть украиноязычные, я старался всегда переходить на украинский, если им это комфортнее.

[0:10:00]

И очень часто я разговаривал на русском, а мне отвечали на украинском.

Int.: Какая культура для тебя ближе, украинская или русская? И насколько вот это твое отношение к близости к той или иной культуре оно характерно в целом для еврейского населения этого места, где ты... откуда ты вышел?

Inf.: За всё еврейское население я точно не знаю, не скажу. Лично для меня до прошлого года было абсолютно одинаково. Я читал русскую литературу и очень любил украинскую. У меня есть ряд авторов, которых я регулярно читал.

Int.: Угу. Например?

Inf.: Ну, к примеру, я очень люблю Володымира Малыка, там все, что связано там с князем Владимиром, Святославом. Очень хорошие есть книги. Потом я читал всего Загребельного. Но это была сначала школьная программа, потом, ну, реально для себя

открыл... Там у него есть роман по поводу собора, который немцы взорвали во время войны. Софийского? Не, не Софийского. Не помню сейчас, какого-то собора,

[0:11:00]

который немцы взорвали. Очень интересный роман. Там две исторические линии прослеживаются, Вторая мировая война и период Киевской Руси. Еще какие-то. И плюс я много читал, то есть для меня неважно было. У меня дома было очень много книг на русском и на украинском. И, к примеру, я мог случайно взять книгу Рея Бредбери, читать его на украинском. Для меня не имело значения. Вот если мне попадалась книга, которую я хочу прочитать, и она была либо на русском, либо на украинском, для меня это было абсолютно неважно. То есть это оба языка, которые я... ну, как родные. То есть я могу читать и на украинском, и на русском, и мне не надо в голове переводить.

И: Вот то, что касается еврейской самоидентификации, когда вот это превратилось не просто вот в этот вот момент, как ты говоришь, что там тебя обзывали или что ты? Когда ты начал думать вообще о еврействе своем...

Inf.: Я ж говорю, где-то году в 93-м – 94-м, когда я собирался... У меня тогда председателем общины был дядя

[0:12:00]

МГ, который потом, я тебе рассказывал... который потом где-то делся с долгом в миллион долларов в неизвестном направлении. И он мне предложил, по-моему, вот эти все документы, связанные с НААЛЕ. И я очень настроился переезжать. Меня просто не отпустили родители. То есть я был... по-моему, все прошел и, по-моему, даже на тестирование ездил.

Int.: А ты начал как-то особенно что-то читать и про Израиль, и про еврейство?

Inf.: Ну, конечно, конечно. Было, было... У него было... не, там было не то, чтобы про Израиль, про еврейство. Это и так мне было более-менее понятно из курса общей истории, наверное, в школе. Там была конкретная информация про репатриацию. Я себе даже, по-моему, выбрал точный кибуц, в котором я хочу жить, или что-то такое. То есть там ульпан, кибуц там, все это было настолько интересно, что я просто там был готов переехать, ну, блин, послезавтра. Родители не отпустили.

Int.: А ты вот в этом подростковом возрасте каким-то образом что-то соблюдал?

[0:13:00]

Inf.: Не было такой возможности. Я даже... я даже не знал. Даже, честное слово... даже, честно слово говоря, не знал. И вот у меня...

Int.: А твой папа, когда стал...

Inf.: Вот когда он стал председателем общины, да, он там проводил Шабат и всё остальное, но я не в одном из этих мероприятий не участвовал. Потому что я... я постоянно был в Черкассах, я учился. Я практически не приезжал домой.

Int.: Это уже было, когда ты был в университете?

Inf.: Да, я был в университете.

Int.: Это какие годы?

Inf.: Я начал учиться с 97-го года, с 97-го по 2002-й.

Int.: Понятно.

Inf.: И вот он проводил точно, потому что мне рассказывал и брат, что там они ездили там на какие-то шабатоны, даже что-то такое. Но у меня просто не было даже возможности в этом всё участвовать, потому что я просто постоянно был на учёбе.

Int.: Значит, политический контекст. Все-таки ты... тебе сложно сказать, что изменилось в еврейской жизни Черкасс или Канева с обретением независимости?

[0:14:00]

Ты говоришь, что скорее ты бы сказал, что ничего не поменялось.

Inf.: Ничего не поменялось. Ну, в плохую сторону точно, в хорошую поменялось, наверно. Больше информации стало, может быть, Сохнут стал работать более как-то плотно. Вот появилась программа НААЛЕ, которая появилась уже после распада Союза. Появилась

ли куча литературы интересной. В конце концов, я у этого своего дяди МГ, по-моему, даже русско-ивритовский словарь получил. Я как бы... я его не читал, он у меня был, я пыта... я собирался заняться изучением языка. У меня был даже словарь...

Int.: Когда, тебе кажется, антисемитизма было больше, при Советском Союзе или при независимой Украине?

Inf.: Мне кажется, что при Советском Союзе. Потому что я, ну, общался со многими людьми, вот, старшего возраста в этих семейных лагерях. И под, там, рюмку-вторую коньяка, они

[0:15:00]

много всего интересного рассказывали. И вот много слышал историй о том, как люди не могли поступить в Киев или куда-то там. И они учились там, блин, в Казахстане, в Средней Азии, где угодно просто потому, что они не могли даже просто поступить. Они приезжали... кстати, интересный момент. Я первый раз не поступил в университет. Я поступал в Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, и меня жестко завалили на экзамене.

Int.: Ты думаешь, это могло быть связано...?

Inf.: Но я был реально не готов настолько, чтобы поступить, я, потому что... я ходил на подготовительные курсы, но я больше там потом ездил на пляж, ходил на турники и особо не учился. Но я был достаточно подготовлен в контексте того, что у меня школу закончил хорошо. То есть я не был полностью нулем. И ну, я просто помню, с какой злобой этот декан мне там он что-то мне высказал. Я не мог понять, что произошло. Ну такой: «Ну ладно, нет так нет».

[0:16:00]

А сейчас уже думаю, мало ли что, может, он на фамилию посмотрел, знаешь вот... антисемит был?

Int.: Какова, на твой взгляд, роль Бандеры для еврейской жизни в Украине?

Inf.: В современной Украине?

Int.: Нет, в той Украине, которая была при нем.

Inf.: Ну, во-первых, никакой роли Бандеры нету, по той простой причине, потому что, все время, когда проходил Холокост, Бандера сидел в тюрьме. Да, он вообще никаким боком не участвовал. Бандара был одним из основателей организации украинских националистов. Их там было два течения, Бандеры и Мельника, и обе организации сотрудничали с нацистами, расстреливали евреев. Но лично Бандера точно в этом никак не участвовал, потому что он сидел в тюрьме. Но, возможно, он как-то идеологически всё это... То есть персонаж однозначно негативный, потому что коллаб... коллаборационист. Сотрудничал.

[0:17:00]

Все его... Вся эта организация сотрудничала с нацистами. Поэтому, ну, персонаж точно никакой не герой.

Int.: Каким было твоё ощущение, когда возникла вот героизация Бандеры при Ющенко?

Inf.: Что это ошибка.

Int.: Что это ошибка.

Inf.: Ну, конечно, очевидно. И ну многие так считают. И это называется скелет, который достали в шкафу... из шкафа зачем-то, дали ему героя Украины вместо того, чтобы найти какого-то более достойного героя, там, какого-то поэта, писателя. Неважно. Возможно, это специальная провокация была.

Int.: При этом... это было каким-то... повлияло это каким-то образом на антисемитизм в стране или нет?

Inf.: Ну, на сам антисемитизм не повлияло точно. Это вообще несвязные вещи, сто процентов. Но однозначно я для себя отметил тоже где-то году в 2009-м...

[0:18:00]

я в 2009-м году был во Львове. Просто проездом. И попал случайно на парад 9-го мая. И когда я увидел чуваков на мотоциклах в немецкой форме, в касках, в немецкой форме, с автоматами вот этими МП-40, но у меня был просто когнитивный диссонанс. То есть реально ехали чуваки, потом еще маршировали какие-то чуваки в немецкой форме, там. Это по ходу были ветераны ОУН, УПА. А вот эти были реконструкторы. Но выглядело это так, как будто... Ну, то есть я-то воспитан в советское время на книгах, там, про то, что там немцы, фашисты и все такое. И тут реально едут на трехколесном мотоцикле немцы на параде 9-го мая, но это была жесть. То есть это было именно когнитивный диссонанс.

Int.: Значит, вкратце, как ты относился к бывшим президентам Украины, Януковича, и Порошенко? Сравните

[0:19:00]

свой материальный доход жизни при каждом из этих президентов.

Inf.: Материальный доход не сравню, потому как что-то...

Int.: Не зависело.

Inf.: Но это точно никак не зависело от президентов. Вообще никак. У меня... я занимался коммерцией. Вообще никак не зависит.

Int.: А отношение вкратце?

Inf.: Янукович вызвал просто отвращение, ну редкостный идиот просто. Идиот, который путает слова. Причем, если Байден сейчас путает слова, потому что он пожилой, то это же не пожилой, но он точно так же, как Байден, иногда забывает, что говорит. Просто в дурак. Тупой.

Int.: Понятно. Порошенко?

Inf.: Порошенко скользкий, делец, который участвовал абсолютно во всех правительствах. И у Януковича в том числе. Потом первый же его предал, бросился, залез на бульдозер, и благодаря этим действиям стал президентом Украины. Пообещал закончить войну на Донбассе

[0:20:00]

за две недели. После этого там что началось, более серьезное, тяжелое, там. Потом долго-долго это все происходило, еле развели войска.

Int.: Как ты относишься к событиям на Майдане? И считаешь ли это, что это было народное волеизъявление или государственный переворот?

Inf.: Я считаю, что это было народное волеизъявление точно. Но я точно отношусь... тогда относился негативно. Мне это не нравилось. Я же всё-таки думал, что более логичным было бы дождаться выборов. Они были очень быстро, скоро. Там до выборов было год подождать. И все шло к тому, что, ну, у Януковича шансов переизбраться было никаких. Если бы это всё произошло после перевыборов, вдруг бы он там начал что-то подтасовывать или... это было бы логичнее. А вот именно сам Майдан, но он был нелогичный, потому что как бы слишком спешили почему-то. Вот это вот была его проблема.

[0:21:00]

И как бы я был против.

Int.: Изменилась ли твоя жизнь после Майдана к лучшему или нет?

Inf.: Ну, к лучшему точно нет, потому что мы каждый год ездили в Крым. После того, как Майдан случился, и Крым вот так вот у нас забрали. И все крымчане там кричали: «Ура! Крым наш! Россия приди!» После этого просто... У меня была возможность поехать. Причем, у меня в Крыму бабушка жила долго, потом ее забрали в Канев. Там остались родственники, с которыми мы не общаемся уже давно. Я очень долго в Крыму жил в Джанкое. Точнее там каждое лето меня туда отправляли в отпуск родители. В отпуск... на каникулы. И у меня отвращение было просто ехать в Крым после того, что произошло. Просто вот я мог...

Int.: Как ты отнёсся к аннексии? Вот твои... твои чувства, твои мысли, когда это произошло?

Inf.: Ну, уроды забрали

[0:22:00]

наш Крым. Как я мог еще отнестись?

Int.: Соответственно, когда ты впервые услышал про всю эту... ерунду в Донецкой, Луганской области?

Inf.: Ну, точно так же. Мне было абсолютно понятно, что вот эти все гуманитарные конвои, которые ездили... Там их просто было очень много. Камазы груженые оружием, которое рассказывали...

Int.: Из России?

Inf.: Из России. Которые рассказывали про то, что это гуманитарные конвои. Это просто было смешно. Было очевидно, что после того, как этот конвой приезжает, военные действия все активнее и активнее. То есть то же самое, что сейчас я вижу, что, когда Украине поставляют оружие, военные действия активизируются. Мы там, где-то что-то начинаем на линии фронта побеждать. Точно так же и тогда. То есть если бы не было гуманитарных конвоев, то я думаю, что украинская власть смогла бы восстановить контроль

[0:23:00]

над Донбассом и всех этих сепаратистов оттуда...

Int.: Вышвырнуть.

Inf.: Ну да.

Inf.: На сколько тебе известно, были ли хоть какие-либо репрессии русскоязычного населения?

Inf.: Нет, ну я сам русскоязычный. Ни разу с 14-го года не было ни одного случая, чтобы... До 14-го года я ещё помню, были какие-то случаи... Да, когда я во Львов приехал, мне казалось, что во Львове надо говорить на украинском языке. По крайней мере, ходили такие легенды. Ну чтобы меня кто-то за украинский язык там... ой, за русский язык что-то сказал? До – это было более вероятно, после – ну точно нет.

Int.: Среди всех событий новейшей истории Украины, которые, ну, произошли на твоей памяти, были ли какие-то события, которые как-то повлияли на жизнь еврейской общины?

Inf.: В Украине?

Int.: В Украине.

[0:24:00]

Inf.: Ну, нет, нет, нет. Чего-то такого, что прямо на что-то бы повлияло, не припомню. Ну, единственное, что повлияло это, ну, алия. Было ощущение, что с каждым годом евреев все меньше и меньше, все больше и больше уезжают. Соответственно, сокращаются программы. Вот последние годы был....

Int.: Вот как раз этот блок вопросов, он связан с репатриацией. Значит, обсуждались ли в твоей семье вопросы репатриации? Слышал ли ты что-то о своих родственниках, знакомых, друзьях, которые уехали?

Inf.: Когда я ребенком был?

Int.: Когда уже ребенком был, да.

Inf.: Конечно, да, у меня куча поуждало, ну, знакомых, родственников. Сейчас там вот я с некоторыми даже здесь общаюсь. Там родители... родители, друзья, то есть. Да, но все е... уезжали, уезжали по чуть-чуть.

Int.: Но твои родители не очень хотели?

Inf.: Категорически, они до сих пор не хотят.

Int.: Они остались там?

Inf.: Да, да.

Int.: Так, значит, блок

[0:25:00]

теперь про войну. Значит, ощущалась ли вашей... в твоём кругу какая-то напряжённость в конце 21-го – начале 22-го?

Inf.: Ну, конечно.

Int.: Ходили ли слухи о возможной агрессии?

Inf.: Да ну сто процентов, об этом по телевизору разговаривали. Постоянно, каждые два-три дня.

Int.: Нападение 24-го было для тебя неожиданным или нет?

Inf.: Ну вообще-то да, потому что ждали его все 16-го. Оно не произошло. Я 20-го абсолютно спокойно... Ну как бы не абсолютно спокойно, но пытаюсь себя успокоить, я не сдал билеты и полетел в Израиль в гости к дочке. А вся семья осталась там. Причем жена тоже должна была лететь, но в последний момент мы все-таки решили на всякий случай сдать ее билеты, и ее оставить с детьми, не оставлять детей самих, просто на всякий случай как бы. Ну я точно был убежден в том, что, если война не случилась там осенью, если

[0:26:00]

она не случилась в декабре, если она не случилась в январе, то уж неделю, пока я съезжу в гости, она точно потерпит.

Int.: Была ли какая-то, насколько ты знаешь, опять же по своим знакомым друзьям, какая-то особая реакция евреев в это время? То есть они... была ли активизация в настроении уехать вот в эти годы, в двадцать первый... в то время, когда войска российские там...

Inf.: Нет, нет, нет, не. Никто ничто не верил, но это всё казалось чушью, то есть, ну. Те, кто хотел... Была... была алия, кто-то уезжал, которая была связана с 14-м годом. Но, как правило, я знаю, это были люди, которые уехали из Донбасса. То есть кто-то уезжал из Донбасса, просто переезжал в Киев. Но если есть еврейство, многие уезжали в Израиль. Потому что, конечно, если выбирать между Киевом и Израилем, лучше ехать в Израиль.

Int.: Расскажи, как ты... Вот в тот день... помнишь ли ты 24-го?

Inf.: Да, конечно, помню. Проснулись...

Int.: Что с тобой было?

[0:27:00]

Inf.: Я был в гостях у дочки, это было в Хайфе, там же, где я живу, на Кирият Элейзере. Утром я проснулся от того, что мне позвонил человек из Киева, мой знакомый, и сказал, что началась война, что начались обстрелы, что-то там ну такое там. Он как-то сформулировал, я не совсем до конца понял, но сказал, что надо эвакуировать семью. А мы разговаривали об этом, потому что он знает ситуацию, где я живу. У нас квартира находится на берегу Днепра, на берегу водохранилища. И ходили легенды, точнее не легенды, а как бы были большие опасения, что если вдруг начнут разрушать дамбы... Хотя сейчас уже понятно, что это невозможно в принципе. То начнется какое-то затопление, начнутся какие-то там волны, там, двадцатиметровые. Всё, что будет на берегу, понятное дело, будет сметено. И поэтому сразу же было принято решение. Я там созвонился с женой, с другом. И сначала,

[0:28:00]

они переехали с детьми к нему наверх. То есть там он живет просто... Ну, у нас Черкаскы находятся, часть внизу прямо около Днепра и часть наверху на горе. Сначала они переехали туда, а потом через некоторое время... но там были ужасные условия, дети захотели очень сильно вернуться домой. И потом мы договорились с какими-то знакомыми... Но это уже было позже, это не в первый день, не важно. Потом я узнал про эту всю историю. Я скоординировал, чтобы они переехали к моему другу. После этого все проснулись, потому что у Н....

Int.: Дочки твоей?

Inf.: Да. Парень, он тоже из Харькова, и он тоже был там. И была его мама. Она тоже приехала в гости, то есть я приехал в гости к Н. Она приехала в гости к С., к её парню. И... а

у нее вообще остался там ребёнок с мужем. Причем это муж – отчим. Они там в селе под Харьковом, и там начались реальные обстрелы. То есть, если в Черкассах

[0:29:00]

мы там все первый день, там, думали, там, попадут по дамбе – не попадут, то в Харькове там начались реальные обстрелы. То есть там начались просто ... градами, там, просто в первый же день. И вокруг них начало там что-то взрываться. Они это всё реально слышали. Этот малый был постоянно в истерике. И она вообще... То я уже больше переключился на неё, потому что мы её постоянно успокаивали. Она вообще в истерике билась. И были же сразу же проверены моменты возможности вернуться в Украину. Я точно помню, что ну сразу же в первый же день мы узнали, что нету самолетов. И что, но там, как возвращаться? Ну, начался сразу весь этот кипеш. И мы в первый день поехали зачем-то, я не помню зачем. Мы поехали в мисрад апним. Сначала. Но, видимо для того, чтобы выяснить, какой у нас статус, там, и так далее, потому что мы не могли улететь. Хотя у нас была виза, потом я посмотрел, у нас была бумажечка,

[0:30:00]

нам выписали визу сразу на три месяца. Потому что у нас же без виз. Вот, а потом мы поехали в Тель-Авив в Украинское посольство пытаться выяснить, что... И в Украинское посольство нас тупо даже не пустили на порог. Стоял чувак такой здоровенный, жирный. И мы подошли, типа, вот, так и так. Он такой: «Я ничо не знаю [нрзб по-укр.]»

Int.: Насколько тебе известно, с началом войны активизировались еврейские сети, которые начали активно помогать? Помогать уехать...

Inf.: Да, да, да, сто процентов, потому что через некоторое время, когда я уже собрался ехать в Украину и уже взял билеты, и уже там практически улетел... Нет, я уже улетел, я уже находился в Польше. И меня жена попросила отвезти жену её брата с маленькими детьми, аутистами. Она попросила отвезти ее в Германию. И в этот момент

[0:31:00]

я узнал, что они уже едут на автобусе. Как раз это был самый стрёмный момент в плане того, что... Как раз, там, это в это время происходило вот Буча, Житомир. Да, там... И они уже ехали на автобусе, они ехали с помощью Хабада. Хабад их вез. И тогда это был, по моему, второй автобус. То есть Хабад предложил первый автобус, они не поехали. Поехала их подружка. И эта подружка, когда им позвонила и сказала, что, да, все нормально, они доехали. После этого они проехали.

Int.: Вот такой вопрос. Честно говоря... ладно, я просто его зачитываю. Считаете ли вы, что военные действия россиян на территории Украины подвергают евреев большей опасности, чем представителей других национальностей?

Inf.: Нет. Они, блин, всех подвергают.

[0:32:00]

Int.: И наоборот, считаете ли вы, что возможность уехать в Израиль представлялась для евреев значимым преимуществом?

Inf.: Ну как сказать? Ну кто как жил. То есть, если люди жили нормально, и у них не было каких-то проблем. То есть, если они до сих пор почему-то не репатриировали, значит у них все было хорошо. Потому что, ну, репатриация во многих случаях, в большей части, она все-таки связана с какими-то проблемами. Люди уезжают не от хорошей жизни. Редко кто едет там по каким-то сионистским убеждениям. Основная масса едет, чтобы улучшить свою жизнь. Если люди не переехали, значит, они неплохо жили. И поэтому, да, у них есть возможность переехать в Израиль, но это, вообще, как бы, ну, не благо. Многие, кстати, переехали, не в Израиль. Я знаю евреев, которые переехали в Германию и получают сейчас гражданство там.

[0:33:00]

Да, и у них тоже там поддержка социальная, все остальное. То есть очень тяжело было на самом деле выбрать. И кому-то повезло... Вот нам повезло, мы приехали в Израиль практически в самом начале. Я вернулся, жена моя ещё раньше сюда приехала. И у нас была

возможность попасть в ульпан и так далее. А потом уже начался полный ужас. Там, ну, в очередях, куча людей, невозможно снять жилье. Ну это дурдом. То есть... ну, считать это преимуществом? Ну преимущество – это остаться дома.

Int.: Так себе преимущество.

Inf.: Все бросить все, что... все, что у тебя было и уехать в Израиль. Но это если тебе ничего нету там, или ты... или тебе двадцать лет, или ты все продал, или ты принял какое-то решение из-за детей. Это преимущество. А когда ты просто жил, никого не трогал, собрался и вдруг все бросил и уехал в никуда и начинаешь жизнь сначала, но это такое себе преимущество. Те 15 тысяч, которые дали сверх корзины

[0:34:00]

всем, вот кто приехал в Украину [из Украины – инт.] после войны, но это, конечно, очень круто, потому что Израиль на самом деле никому ничего не должен. Но, конечно, для многих это вообще не компенсирует никак потери, которые...

Int.: Сталкивались ли... ну понятно, что не ты, потому что ты был в Израиле, а твои родные или знакомые с проявлениями насилия и жестокости со стороны Российской армии?

Inf.: Нет. У нас все как раз было хорошо. У нас была другая история, когда... Почему жена решила уезжать? Мы их переселили вот в это вот... я их, договорился, переселил вот в эту вот деревню, село. Там 40 км от Черкассы, это наши знакомые, все прекрасно, все хорошо, там место патриархальное. У тех людей, к которым она поселилась, отдельный дом выделили специально. Он был пустой, потому что родственники уехали. У них там забиты подвалы

[0:35:00]

едой. То есть, ну проблем на ближайшую обозримую перспективу вообще никаких, и у них была даже возможность периодически ездить домой в Черкассы, если есть в этом необходимость. Просто мы решили, что там, наверно, безопаснее. Как оказалось, нет. Вечером на третий или на пятый день пребывания дочка сидела, читала вечером книжку. Они там что-то сидели, разговаривали. И тут вдруг через стекло лазерный прицел на ребенка. Ходили...

Int.: Откуда?

Inf.: Ходила местная самооборона и типа святила в окна с оружием, потому что ну потом они... ну видели этих же людей. Лазерные прицелы были не просто указки, они их, вешали на оружие. То есть, грубо говоря, они ходили там с какими-то дробовиками, с лазерными указками и светили в окна.

Int.: Испугалась?

Inf.: Ну, понятное дело. Все испугались и уехали.

Int.: Из твоих не черкасских друзей кто-то пережил трагедию?

Inf.: Да, да, дофига, дофига.

Int.: Если не хочешь, можешь не говорить.

Inf.: Но в смысле трагедию, ну трагедия прямо там, чтобы ну совсем, то... Ну, во-первых, вот это вот мать этого С., парня Н. Ну это просто капец! Ну она... она сейчас в Германии, ребенок уже с ней, но пока там они воссоединились, это была целая история. Потом вот этот вот мой друг, П. из Бучи... Но я с ним созванивался один раз, он на западной Украине уже был, но они то ли неделю, то ли они полторы недели сидели в подвале под обстрелом. То есть они там пережили в Буче, видимо, все, что было. И они выехали оттуда, то ли после того, как сразу же русские отошли, то ли чуть раньше. Ну вот что-то такое. И плюс у меня там куча уже одноклассников погибла. То есть ну у меня там есть одноклассник,

[0:37:00]

который... ну, то есть у меня, оказывается, много было в Каневе одноклассников и друзей, которые... их позабিরали, они поуходили, и вот... Я в Фейсбуке... один, второй, третий, то есть вижу, что, да, погибают.

Int.: Среди жителей Израиля существует мнение, что Израиль не должен оказывать помощи Украине из-за Бандеры, ООН, УПА и так далее, и тому подобное. Среди некоторых жителей. Как твое именно отношение к этому факту? Но понятно, что он не повсеместный, но тем не менее такое встречается.

Inf.: Ну это очень противоречивый вопрос на самом деле, потому что, ну, во-первых, то, что там кто-то героизировал Бандеру, это какой-то, ну,

[0:38:00]

не общеукраинский вопрос. Это какая-то часть людей, точно не все. Ну сейчас, конечно, после начала войны, я уже слышал, там, даже от тех людей, которые против, что они уже, там, за, уже и за Бандеру, да. Первое. Второе, какая связь между тем, что кто-то там... то есть это, это вопрос политики государственной, межгосударственной, каких-то там договоренностей политических. Какой... какой... какая связь между помощью...?

Int.: Никакой.

Inf.: Ну это как бы вопрос опять, какой помощи? Если помощь гуманитарная, так тут вообще никакой связи нет. Потому что я слышал, что Израиль отправлял помощь, там, к примеру, в Сирию после землетрясения. Ну и что? Если вопрос о военной помощи, так ее и так нет. Ну то есть я... я не уверен даже, что она была бы, если бы не было Бандеры.

Потому что

[0:39:00]

вопрос этой помощи военной, он связан, там, с политикой в Сирии, там, с безопасностью. Это вопрос точно не про Бандеру. И это было... Ну как бы Бандера был там 50 лет назад. Ну то есть с таким же успехом Израиль может отказать во въезде британцам в Израиль, потому что они преследовали евреев, которые пытались добраться до Израиля после войны. Это, ну это бред! То есть ну и я не слышал, чтобы англичане извинялись сильно за то, что там они это делали.

Int.: Твоё личное самоощущение, ты считаешь себя беженцем или репатриантом?

Inf.: Ну репатриантом, конечно. Я точно не беженец, я приехал до войны. Да. То есть, ну как бы я просто... ну я не уехал в Украину, потому что у меня жена приняла решение приехать сюда. Если бы я в Украину уехал, я бы уже не смог бы выехать по закону. Я бы не стал этого делать. То есть я не беженец.

[0:40:00]

Int.: Ты репатриант.

Inf.: Да. Вынужденный, но репатриант.

Int.: Ты практически... поскольку ты оказался вот так в Израиле, ты практически ничего не взял из своих вещей получается?

Inf.: Ну да.

Int.: Скучаешь по каким-нибудь из них?

Inf.: Ну особо уже нет, уже нет.

Int.: Вот, значит, ещё одна часть аналитическая по поводу войны. Ну и связанных событий? Значит, какое было твое отношение к Зеленскому до начала войны? Изменилось ли оно сейчас? Насколько для тебя важно его еврейское происхождение?

Inf.: Я ж по-прежнему гражданин Украины, я такое не могу комментировать.

Int.: Окей.

Inf.: Но я за него голосовал.

Int.: Но вопрос о еврейском происхождении?

Inf.: Ну здесь он, я думаю, абсолютно не имеет значения.

Int.: Надуманный?

Inf.: Не, он просто не имеет значения, по той простой причине,

[0:41:00]

потому что ну, во-первых, это ещё раз доказывает то, что все разговоры о Бандере, о антисемитизме – что это все фигня. Потому что президентом стал еврей. По-моему, галахический.

Int.: Вот, значит, твоё отношение к российской пропаганде, которая везде в Украине видит нацистов.

Inf.: Но это бред, вообще. Не, ну у нас как бы... конкретно про нацистов: у нас есть националистические, они не нацистские, националистические партии такие, как «Свобода», которая ближе к нацистам значительно, чем все остальные, и «Азов» – это добровольческий батальон, который появился в 14-м году, и потом они выделились в политическую партию «Национальный корпус». Ну как бы условно, типа, россияне могут их называть нацистами. Условно почему? Потому что «Свобода» себя считает последователями ОУН, УПА.

[0:42:00]

Int.: А те были коллаборантами.

Inf.: Да. Просто последователями, как это... политическими и идейными вдохновителями свободы – это ОУН, УПА. А добровольческий корпус «Азов»... Там типа есть... фигурируют история там Бандеры, и все такое. Но это, грубо говоря, типа какая-то историческая аналогия и какой-то элемент идеологии. Но, по-моему, сейчас русские больше нацисты, но вот если по факту, то... Очевидно, кто здесь нацист. И самое главное, что хотел сказать, что эти две партии на последних выборах, когда Зеленского избрали президентом, они набрали, что-то там полтора процента и не попали в парламент. То есть они в украинском обществе, ну, вообще ноль. Несмотря на все свои там потуги; несмотря на то, что они ходили в одинаковой красивой

[0:43:00]

форме с лопатами, снег убирала; несмотря на то, что они там ходили кошмарили русских, чем отталкивали от себя нормальный электорат, потому что... Ну в смысле, не русских, а русскоязычных. Ходили там, что-то могли, там, каких-то депутатов засовывать в мусорки, ходили по магазинам, там, с кем-то разбирались, кто по-русски говорит, и все вот это. Весь этот бред привел к тому, что за них проголосовало полтора процента. То есть, ну, и соответственно, любая социология нормальная скажет, что нацистов в Украине нет. В принципе.

Int.: По крайней мере, в России их явно столько же, если не больше.

Inf.: Сто процентов, не, их больше. Их больше, потому что в России населения больше.

Int.: Вопрос немножко старый, потому что это...

Inf.: И кстати, ещё... ещё важный момент. Знаю точно, что именно из России в «Азов» переехал и был одним из его идейных вдохновителей, возглавил там чуть ли не... стал чуть ли не, там, ближайшим

[0:44:00]

помощником руководителя «Азова», Белецкого, российский нацист по кличке Боцман. Ну, дальше надо в интернете посмотреть, кто он такой.

Int.: Когда-то Лавров что-то вякнул про еврейские корни Гитлера, на тебя это какое-то впечатление произвело?

Inf.: Ну... блин. Вообще даже не знаю, стоит ли [смеется] комментировать эту говорящую лошадь.

Int.: Кого вы считаете главным виновником войны? Конкретно Путина, народ российский, короче, элиты российские, не знаю, американцев,*** знает кого?

Inf.: Ну лично в моём представлении, ну главный виновник сто процентов Путин, потому что он отдал приказ. Но причины, то есть я тут...

[0:45:00]

если виновник – то конкретно Путин. По поводу причин? Там очень большое количество причин со всех сторон и...

Int.: Какова главная причина?

Inf.: Ну, главное главная причина – это нерешённое противоречие. Это независимость Украины, которая была получена без крови в 91-м году, и с этой с этой независимостью была в корне не согласна вот это вот власть российская, начиная от

Ельцина и заканчивая Путиным. То есть, грубо говоря, еще в ельцинские времена был какой-то кризис. При... при Кучме. То ли это... то ли это был уже Путин? То ли это было при Ельцине? Я не помню, но все началось уже очень давно. Ещё был кризис на...

Int.: Ющенко же ещё как-то там травили, там, что-то там...

Inf.: Это всё было после. Был кризис на Тузле,

[0:46:00]

где чуть было не началась война. Был... есть такой остров Тузла. И был на нем кризис, и там чуть не началась война ещё при Кучме. То есть это вся история... Постоянные споры. На территории Украины находится Черноморский флот, в Севастополе. Ну очевидно было, что этот вопрос был очень сложный, и его практически решили. И тут Янукович опять подписывает какой-то договор. Ну то есть... я же говорю, идиот.

Int.: С твоей точки зрения, именно тогда в... Я имею в виду, именно в 22-м году, можно было предотвратить войну как-то? Если да, то как?

Inf.: Я думаю, что вот, блин, если бы наш президент поменьше там делал таких высказываний, типа там, про ядерное оружие, и все остальное.

Int.: Думаешь, если бы он не высказывал то, как-то бы что-то изменилось?

Inf.: Ну мне кажется, что она бы не началась.

Int.: Правда, ты так думаешь?

Inf.: Ну вот я думаю, что решение это было крайне плохое.

[0:47:00]

И ну Путин сто процентов был неуверен, я в этом убежден. И просто...

Int.: Ты думаешь, он колебался?

Inf.: Ну он сто процентов колебался. Вопрос в том, что, ну, он реально был спровоцирован вот этой вот риторикой постоянно воинственной и принял неправильное решение.

Int.: Кто?

Inf.: Путин. Да, то есть он колебался, сто процентов. То есть где-то в какой-то момент воинственная риторика нашего президента и колебания Путина привели вот к этой ситуации. То есть у них были другие планы, ты даже вспомни, был момент вот этого выступления, когда объявляют о присоединении Донецкой и Луганской области в границах ДНР, ЛНР. А потом через некоторое время, в течение суток, вдруг резко меняют – в границах Донецкой, Луганской области. То есть там не было то одного...

[0:48:00]

одного мнения, не было одной точки зрения. Я че-то думаю, что как-то ну вот еще бы это могло тянуться очень долго.

Int.: Считаешь ли ты возможным распространение агрессии на другие государства?

Inf.: Ну, если уже сейчас там на протяжении нескольких месяцев Бахмут взять не могут, то я сомневаюсь.

Int.: Считаешь ли ты возможной ядерную войну?

Inf.: Ну точно нет, сто процентов.

Int.: А изменилось ли твое отношение к Путину? Или оно как было, так и осталось?

Inf.: Не, ну как-то вот после 14-го года я не так сильно... Ну то есть там вот все кричали «Путин там *****», ла-ла-ла!», а я как бы... ну я к нему относился как-то, ну, негативно, но без какой-то там явно выраженной эмоциональной окраски.

Int.: Несмотря на

[0:49:00]

аннексию?

Inf.: Ну я больше относился на... по поводу аннексии, я плохо относился к крымчанам.

Int.: К крымчанам?

Inf.: Конечно, которые кричали «Крым наш!», там, бегали, радовались. Я ж говорю, у меня было, ну, прямо отторжение. Мне жена предлагала съездить в Крым. Говорит: «Ну а

чо там? Все ездят». А у меня вот просто... Говорю: «Нет, я туда не поеду. Просто принципиально не хочу туда даже заезжать.»

Int.: Ну то есть, но после... после 22-го...

Inf.: Ну то есть, если у меня было к нему отношение негативное... У меня до 14-го года было к нему отношение негативное. То есть в принципе, он мне не сильно нравился. Вот было сразу видно, что он такой диктатор там с кучей полномочий, непонятно к чему все это приведет. То есть были очевидные какие-то вещи, что там сокращаются права и свободы, Россия превращается в Советский Союз. Вот. После 14-го года оно стало определенно негативное. А после нападения просто очевидно,

[0:50:00]

что... ну, для меня, ну, абсолютно очевидно и однозначно, кто на кого напал.

Int.: Как ты относишься к утверждению, что, развязав войну, Путин, как никто другой способствовал окончательному формированию и сплочению украинской нации?

Inf.: Ну это нормально, абсолютно нормальное утверждение.

Int.: То есть оно соответствует, на твой взгляд, действительности.

Inf.: Ну, конечно, да, да. Ну я говорю, многие знакомые, которые говорили по-русски, сейчас перешли на украинский и полюбили Бандеру. Которые вообще были далеки от политики, которые разговаривали по-русски, как бы и Бандера их особо не волновал в принципе. Они были политически без окраски. И они сейчас говорят по-украински и верят в Бандеру.

Int.: Ну вопрос, конечно, пальцем в небо. Как ты сейчас

[0:51:00]

считаешь, сколько можете продолжаться война и чем они закончатся?

Inf.: Ну, сейчас все так или иначе следят за разными блогерами, слушают разные точки зрения, и единого мнения, понятное дело, нет. Очень сложно вообще понять, что происходит. Но вот лично мое ощущение, что это надолго. И то есть я просто не понимаю... вот... самого образа окончания войны. Потому что даже если, вот сегодня вы смотрели же передачу этого Агиля Рустамзаде, и он говорит, что война на истощение, которая сейчас проходит, она предполагает, что какие бы территории ты ни занял, это не имеет значения. То есть, если даже украинская армия сейчас

[0:52:00]

выйдет на территорию... на границы 1991-го года, то по военной теории войны на истощение, это значения не имеет. Имеет значение, сколько при этом погибнет с украинской стороны, с нашей, и с русской. Вот если с русской погибнет в пять раз больше, тогда да, тогда эта война на истощение, и мы в ней выигрываем. Если во время этого наступления на границе 91-го года с нашей стороны погибнет в пять раз больше, при том, что у нас население в пять раз меньше, то это проигрыш. То есть даже если мы выйдем на границу 91-го года, Россия перегруппируется, накопит силы и начнёт обратно. То есть это не конец войны.

Int.: Каким ты видишь будущее Украины после окончания войны и отношения с Россией? Ну это два вопроса.

Inf.: Каким я вижу будущее после окончания войны?

[0:53:00]

Если война закончится... если... а когда война закончится, я надеюсь, что это будет в ближайшей обозримой перспективе. То первые, там, пять-десять лет, это будет время очень тяжелой работы, восстановления. То есть это будет очень тяжелый период. Вот. И всё будет зависеть от этих западных партнеров, которые выполнят свои обещания или нет. И плюс будет очень важно, вступит ли Украина в Евросоюз, и примут ли ее в НАТО. Вот. И вообще, я считаю, что единственным способом закончить войну – это принять Украину в НАТО. Сто процентов войну закончить в тот же день. Это поводу того... Какой второй вопрос был?

Int.: Отношения с Россией. Смогут ли они нормализоваться?

Inf.: Ой, я очень сомневаюсь. Ну, во-первых, я... ну я не знаю, в какой форме война могла бы закончиться. То есть в какой форме могло бы

[0:54:00]

произойти и оформиться окончание войны. Мне сложно себе сейчас представить. Особенно учитывая вот эту теорию войны на истощение, когда стороны пытаются истощить друг друга, тянут время, обмениваются какими-то там территориями, ударами. История очень длинная, может быть. И чем дальше, тем больше ненависти и всего остального, то есть... Ну, какой... какое сейчас отношение южных корейцев к северным? И может ли у них быть, когда-нибудь хорошие отношения? Вот я не знаю, как на это посмотреть. Ну что-то такое, мне кажется, там. Северная, Южная Корея, неизвестно на какой границе, ненависть и, там, какие-то там минные поля и постоянные обстрелы. И у России судьба Северной Кореи. То есть в этом нынешнем раскладе это изоляция не только от Украины. Северная Корея

[0:55:00]

отделена не только от Южной Кореи, она отделена от всего мира. Это, ну там, страна с сумасшедшим этим диктатором и людьми, которые там... в ужасном положении.

Int.: Изменилось ли твое отношение к жителям России? Как ты относишься к понятиям «коллективная вина» и «коллективная ответственность»?

Inf.: Ну, я считаю, мое личное мнение, что Россия вместе со всеми жителями несут юридическую ответственность. Потому что, ну, кроме тех людей, которые выступили против, это очевидно. Что касается коллективной вины, это вопрос вот касательно немецкой истории. То есть, если будет поражение осязаемое...

Int.: России?

Inf.: России. Тогда, конечно же, наступит так или иначе коллективная вина, потому что, ну, будет... будет когнитивный диссонанс.

[0:56:00]

Вскроются все эти преступления, там, начнутся какие-то мемориалы, начнутся какие-то поездки, начнется объяснение. Когда люди осознают, что произошло, начнется вина. А вот ответственность должна быть юридическая. Ну, юридическая ответственность для преступников военных, и юридическая ответственность для страны в виде репараций.

Int.: Ты веришь, что репарации будут?

Inf.: Конечно. Не, если Россия проиграет. Но, если будет полное и безоговорочное... безоговорочное поражение военное. То есть, если это будет просто остановка военных действий, то репараций не будет. Просто, ну, отберут те деньги, которые арестовали, просто отдадут Украине так или иначе.

Int.: Почему россияне поддерживают войну, на твой взгляд?

Inf.: Ну, во-первых, пропаганда. Во-первых, ещё советское время существовали серьезные институты, которые занимались исследованиями в области воздействия на психику.

[0:57:00]

Сейчас по полной программе, видимо, пользуются результатами этих исследований. И то, что показывают по российским каналам, но это ужас страшный. Сам смотрел, но это невозможно смотреть долго. То есть, ну это очевидно. Искажается мир вообще в принципе, и ты начинаешь верить, что белое – это черное. Это, во-первых, во-вторых, страх. Ну, генетическая память – ГУЛАГ и все остальное, это совсем недавно было. Это в обозримом...

Int.: Какое отношение имеет ГУЛАГ к тому, что твоя страна нападает на чужую страну и...?

Inf.: Страх.

Int.: Страх чего? Страх быть не согласным со своим руководством?

Inf.: Нет, страх того, что репрессируют.

Int.: Если что?

Inf.: Если будешь не согласен. И сейчас это уже начинает происходить. Подожди, свежая история, девочка нарисовала на листике против войны, отца арестовали, там что-то... Точнее, он был в бегах, долго бегал, девочку забрали. Сейчас ищут для нее

[0:58:00]

приемную семью, отца садят в тюрьму.

Int.: Страх.

Inf.: Сто процентов. Страх – это один из основных и позитивных, и негативных стимулов для действия или бездействия. Люди боятся, массово боятся. То есть в России сейчас у... практически все люди, которые там живут, они боятся. На разных уровнях, но они тупо боятся.

Int.: Как ты относишься к выражению, которое сейчас приняло такое достаточно, ну, как бы немножко издевательский характер, «хороший русский».

Inf.: Ну... Ну честно, не знаю. Я как бы, ну, в Израиле, я не делю евреев на русских и на украинца. Ну как бы все репатрианты. Я здесь не видел ни разу беженцев русских, здесь все репатрианты. Но даже в Израиле я умудряюсь находить русских из Москвы, которые приехали

[0:59:00]

заламыва... заламывают пальцы. Продали там какую-то недвижимость, и им как бы... Ну они не... там, не отправляют деньги на благотворительность в Украину. И не покупают аптечки. Вот я там, даже несмотря на то, что я приехал в Израиль, ну там ничего с собой не взял, и я восстановил какие-то связи с Украиной, с какими-то своими партнерами по бизнесу, и че-то там передали деньги. Я купил какие-то рюкзаки вот эти, Мада, и отправил их в Украину. Там был это нелегко, кстати, их отправить почтой нельзя, оказывается. Я отправлял людьми, которые ехали в Украину. Тупо, говорю, в этом самом... Вот эти москвичи, которые приехали, что-то я не слышал, чтобы они отправили что-то в Украину. Вместо этого они здесь снимают дорогие квартиры, поднимают рынок недвижимости и ходят, загибают пальцы. Они хорошие русские или плохие? Я не знаю. Тут все индивидуально, есть хорошие люди и плохие. Там русские, не русские,

[1:00:00]

знаешь...

Int.: Какой тебе видится судьба России в ближайшие годы?

Inf.: Я скажу по-другому, ещё поводу русских скажу. То есть русские, которые в России, это сейчас, по сути, мои враги, потому что я украинец. Ну как бы я гражданин Украины, поэтому ну я как по-прежнему... Пока война не закончилась, все, кто находится на территории России, – это для меня враги. Это, очевидно, по объективным обстоятельствам. Поэтому, если там кого-то убивают, я даже иногда радуюсь. Вот недавно убили там какого-то?

Int.: Военкора.

Inf.: Военкора. Я как бы, ну, радовался, хотя это и грешно. Вот. А будущее России? Ну я уже... ну, высказывался на эту тему только что. Мне кажется очень близким к будущему Северной Кореи. Причем Северная Корея – это тоже страна, которая под, там, управлением Китая находится. И вот

[1:01:00]

то, что они все союзники вместе с Ираном, это очень показательная история. То есть, грубо говоря, Иран, Россия, Китай, Северная Корея. Это как бы такой уже – ось зла. И если война не закончится в ближайшей обозримой перспективе, если власть останется та же, если то, что происходит сейчас в России, будет усугубляться, но это реально очень страшно, когда уже за... Рисунок был мирный, там не было там какого-то прямо там «Путин, сдохни», там, или что-то такое. Там просто была изображена какая-то девочка, какая-то ракета, которая летит в ее сторону, там, мир там что-то [описывает рисунок девочки – инт.]. То есть, грубо говоря, это тройная трактовка, признать этот рисунок пропагандой, чего-то там, дискредитации какой-то там армии. Там был просто рисунок за мир. То есть если в

России уже за обычные детские рисунок за мир отца сажают тюрьму. То, блин, будущее этой страны...

[1:02:00]

я очень не завидую будущему этой страны. Это очевидно.

Int.: А какие источники твоей информации о происходящем в Украине? Прости. Кому ты лично больше всего доверяешь?

Inf.: Из источников в Телеграме я читаю «Страну», «UA». Хотя она запрещена, кстати, в Украине, она там даже забанена. Вот. Я читаю «Зеркало недели», «Дзеркало тижня» [укр.] , тоже есть у них Телеграм-канал. Но его я читаю меньше, вот. Потом я читаю черкасскую группу «Повестки», где просто люди пишут, где, в каком месте стоит воен... стоят военкоматовские, где их можно обойти их стороной.

[1:03:00]

Мне интересно, что там происходит. И плюс я с друзьями общаюсь с разными. У меня есть друзья во всех регионах Украины, во всех. И я получаю информацию непосредственно от участников событий.

Int.: Есть какие-то аналитики, которых ты выделяешь?

Inf.: Украинские или вообще?

Int.: Любые, которые сейчас говорят о повестке.

Inf.: Ну вот из тех аналитиков, которые наиболее мне кажутся интересными, объективными, это Агиль Рустамзаде, такой военный эксперт. Потом Белковского я часто смотрю. Потом Латынину. Потом Влащенко. Иногда смотрю Гордона, он там интересные интервью делает. Ну и в принципе все, что вот я смотрю там, вот этот вот русский канал, который закрывали, открывали Латвии. Как он? «Дождь». То есть они тоже как бы были какие-то интересные у них такие... По крайней мере не аналитика, но они

[1:04:00]

дают какую-то хронологию событий с каким-то там анализом. Вот, ну в общем и целом, ну, вот все, что... очень много, сейчас массив большой информации, поэтому иногда настолько устаешь, что иногда не смотришь вообще ничего.

Int.: Вот последний блог – это жизнь в Израиле. Значит, насколько и вообще тебе легко освоиться в Израиле с бюрократией? Помогает ли тебе кто-то, если эта помощь есть, то кажется она тебе достаточной или недостаточной?

Inf.: Думал сначала я, что в Израиле бюрократия ну ужасно мешает, и что это очень все тяжело. Но я там запланировал ряд определённых действий, поступить... Во-первых, я подтвердил дипломы, во-вторых... подал на, ну, на подтверждение диплома. Во-вторых, я начал поступать в университет в докторат.

[1:05:00]

Начал подавать документы на всякий случай, чтобы получить теудат horaа. И как-то мне казалось, что ничего не происходит, и все плохо, я не могу разобраться. А потом практически в один месяц, в марте или в конце февраля, все начало резко происходить. Я и поступил в докторат, и получил подтверждение дипломов, и даже практически получил теудат horaа. То есть, грубо говоря, все работает очень медленно, но в принципе работает. Люди делают свою работу. То есть все, что нужно, я отправил. Все, что нужно, мне подтвердили. Что касается университета, но, видимо, они пошли мне навстречу, потому что как бы... Я не уверен, что настолько я хорош, чтобы меня вот сто процентов в первый же год можно было принять в университет на докторат. Но тем не менее, это произошло. Я думаю, что какой-то элемент есть того, что посмотрели, ну,

[1:06:00]

человек с Украины, вот такая-то ситуация, такие обстоятельства, почему бы его не принять? Но была и вторая половина медали. Это каждому репатрианту положено стипендия... репатрианту-докторанту положена стипендия. Вот министерство абсорбции... там есть такой отдел «Абсорбция по науке»... мне статус учёного репатрианта дали сразу, потому что у меня там публикации были в Украине, все. Когда я к ним обратился за

стипендией, там оказалось тридцатисемилетний барьер, который я уже преодолел, потому как мне 42, потом стало 43. И я несколько раз к ним обращался. И вот тут недавно обратился ещё раз – пока ответа нет. Но те разы, которые я к ним обращался с просьбой сделать исключение в связи с реально сложными обстоятельствами, они мне отказа... отказали в достаточно жесткой форме, безапелляционно, и не пошли навстречу. То есть ситуации были разные, где-то пошли на встречу, где-то нет. То есть я

[1:07:00]

не уверен, что ну так уж важно здесь, откуда ты приехал, там, с Украины или с России, особенно в контексте того, что ты спрашивал, что израильяне вообще не хотят помогать. То есть как бы, ну, репатриант и репатриант. То есть ситуация, ну, необычно, она нестандартная. Может быть, кто-то обратил на это внимание. Есть сторонники Украины, возможно, есть сторонники России, возможно, есть люди, которые считают, что вообще там, все, что происходит это бред, надо это все быстрее заканчивать, и негативно относиться к обеим сторонам.

Int.: Ты остановился в Израиле у родственников или снимаешь сам?

Inf.: Снимаю сам.

Int.: Сохранились ли у тебя и возникли связи с людьми, которые, как и ты, приехали из Украины и, соответственно, вы как бы вместе кучкуетесь?

Inf.: Ну да, периодически мы общаемся, я созваниваюсь с теми людьми, с которыми я приехал. Они жили со мной в Нацерете

[1:08:00]

в гостинице. Встречаться не всегда получается, но мы созваниваемся с теми людьми, с которыми мы общались. Там один парень, журналист из Москвы, хороший, Миша. Потом один из Днепропетровска. То есть мы созваниваемся, регулярно общаемся.

Int.: Было желание найти работу по специальности? И можешь ли ты сказать, что ты работаешь в общем в некоторой степени по специальности?

Inf.: Да, у меня было желание большое найти и случайно нашел. Работаю я в музее Хайфы. Ну одно дело, когда ты ищешь работу, а тут работа нашла меня сама. То есть я как бы не помню даже когда, случайно пришло мне в голову поискать какие-то вакансии в музеях. Я нашел сайт, где централизовано вакансии всех музеев Израиля размещены, и просто, написал резюме в те именно вакансии, которые показались мне такими, что я могу на них претендовать. Потому что там были сложные вакансии, там типа куратором музея там, или там директором музея. А были попроще. И вот я там, где попроще, отправил

[1:09:00]

и вообще уже об этом забыл. И тут вдруг случайно мне позвонили и предложили.

Int.: Был ли ты раньше в Израиле и..?

Inf.: Нет, в первый раз.

Int.: Первый раз. Есть ли что-нибудь, что тебя удивляет или раздражает?

Inf.: Ммм. Вот так вот, что прямо конкретно, что-то, что меня удивляло стране больше, чем где бы то ни было еще, то это, наверное, агрессия на дорогах. Просто мне здесь тяжело ездить за рулём. Ну, как бы я уже привык, но сначала была очень тяжело. И постоянно вот люди, которые кричат, ругаются. Вот это тоже напрягает, то есть какой-то такой... импульсивность постоянная, какая-то такая агрессия. Но она, ну, я так понимаю, связана с восточным характером поэтому... А так все... все окей.

Int.: Нравится ли тебе учить иврит? Как ты за этот год его освоил?

[1:10:00]

Inf.: Ну всё, отлично! Начал я учить иврит с Алефа в ульпане Аба Хуши в Хайфе и закончил в декабре, сдал Гимель. И сейчас продолжаю учиться, с ивритом меня тьфу-тьфу-тьфу. Все лучше и лучше.

Int.: Супер. Каким-то образом твое... то, что ты оказался в Израиле, наталкивает тебя на какие-то дополнительные размышления о еврействе или нет?

Inf.: Наталкивает. У меня сейчас дочка проходит гиюр. Если она его благополучно пройдет, я думаю, может быть, и мне пройти.

Int.: Есть ли у тебя знакомые родственники в Израиле, которые приехали раньше из Украины? И отличается ли их отношение к войне от твоего?

Inf.: Именно из Украины?

Int.: Из Украины.

Inf.: Но в основной массе все, кто приехал из Украины, даже 20 лет назад, к войне относится к крайне

[1:11:00]

негативно и еще более радикально настроены по отношению к России, чем я.

Int.: Было ли что... есть ли у тебя знакомые среди израильтян коренных? И было ли что то, что было... что, ну, можно сказать, было для тебя открытием? Что ты как-то посмотрел на мир по-новому?

Inf.: Еще раз сформулируй.

Int.: Есть ли у тебя друзья среди... если у тебя знакомые коренные израильтяне? И важным ли для тебя оказалось, ну, это знакомство с ними? Посмотрел и ты как-то на... через их глаза на жизнь в Израиле по-другому?

Inf.: Сто процентов. Особенно касается это учителей в ульпане. То есть у меня

[1:12:00]

одна учительница, первая, она вообще из этих, из религиозных. Было очень интересно слушать, что она рассказывает. Чем больше я начинал ее понимать, тем более интересно было, вообще, слушать, что происходит. Потому что мы же постоянно обсуждали, какие-то внутриизраильские дела, праздники, еще что-то. А потом я попал вообще к очень хорошему учителю в Гимель, его зовут Юваль. И там вообще просто, ну очень большие... такое большое количество блоков вопросов, когда он пытается, помимо языка, нас ещё как-то социализировать. Мы смотрели фильмы израильские на иврите. Ну, то есть это очень интересно.

Int.: Спрашиваю... Кто-нибудь интервьюировал ли тебя вот до сих пор как-то в связи с тем... с твоим военным опытом?

Inf.: Нет.

Int.: И последний вопрос – это возникало ли у тебя желание вернуться в Украину?

[1:13:00]

Считаешь ли ты, что такое вообще возможно? Хочешь ли, не хочешь ли?

Inf.: Ну, раньше мне чаще хотелось, сейчас что-то как-то уже я успокоился. Меня не сильно тянет. Но все равно при возможности я бы туда поехал. Но я, честным словом говоря, даже не знаю, чего ожидать. Потому что я уехал до войны, и я вообще себе не представляю, что это такое, приехать в страну, которая воевала или воюет. То есть для меня Украина осталась... Это то же самое, как вот, грубо говоря, ты долго человеком не встречался, а потом он умер. И ты, грубо говоря, думаешь, а запомню его таким, какой он был. Вот я не уверен, что именно в этой с этого... с этой точки зрения, я туда хочу попасть.

Int.: Вот, такой вот.. такое вот интервью. Спасибо тебе большое!

[конец записи]